

145
0562

ТРАГЕДІЯ
СМЕРТЬ
ЦЕСАРЕВА.

ВЪ
ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ
СЪ

Французскаго на Россійскій языкъ переведена
Аршиллеріи К. . . . В. . . . І. . . .

33511

ИМПЕРАТОРСКОМУ ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКОМУ ТЕАТРАЛЬНОМУ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. СУХОМАТОВА
ТЕАТРАЛЬНЫМЪ

Изданіе второе.

МОСКВА,
въ Типографіи Компаніи Типографической,
1787.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ.

АНТОНІЙ. } Наперстникъ Цесаревъ и глав-
ный Полководецъ надъ Рим-
скою конницею.

ДОЛАБЕЛЛА. Полководецъ Римской.

КАССІЙ }
ЦИМБЕРЬ } Знаменитѣйшіе Римскіе дворяне и
ЦИННА } купно заговорщики противу
ДЕЦИМЪ } Цесаря.
КАСКА }

БРУТЬ } Сынъ Цесаревъ и главный изъ
заговорщиковъ.

РИМСКІЕ ГРАЖДАНЕ.

ТРАГЕДІЯ
СМЕРТЬ ЦЕСАРЕВА.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ I.

Цесарь, Антоній.

Антоній.

Ты царской скиптрѣ гошовишься воспрі-
яшь. Цесарь? Се шомѣ преблагопо-
лучный день, въ кошорый Римскій народѣ,
посягающій всегда несправедливо на себя,
премѣнился ошѣ швоихѣ благодѣлній, и
признаешѣ въ тебѣ своего побѣдишеля,
свою зашишу, мспишеля и своего Госу-
ря, Аншонію сіе извѣшно, но онѣ за-
висши не имѣешѣ. Ему слава швоя лю-
безна больше, нежели тебѣ самому. Онѣ
уже приугошовилѣ цѣпи, опредѣленные
шобою для Римлянѣ, и не желаетѣ какѣ
шолько бышѣ по тебѣ вторымѣ на свѣшѣ
человѣкомѣ. Пріяшнѣе для него кажется

возлагашь на себя новую сію діадиму, славнѣе, онѣ мнишѣ, тебѣ служишь и повиновашься, нежели самому царствовашь. Но что! ты мнѣ ошвѣществуешь едиными шокмо вздохами? Величешно швое мнѣ причиняешѣ радость, а тебѣ уныніе наносишѣ? Обладашель Рима и всей вселенной! тебѣ ли сѣшовать? Достойшѣ ли Цесарю снѣдашися шоскою? Достойшѣ ли ему кого страшишися? И кто бы оный былѣ, кошорый вліялѣ ужасѣ въ швою великую душу?

Цесарь. Дружба, любезный Антоній. Я долженѣ тебѣ ошкрышѣ мое сердце. Ты знаешь, что я тебя оспавляю, и что судьба повелѣваешѣ мнѣ ишши сѣ оружіемѣ въ поля Вавилонскія. Я иду, и иду ошмешнишѣ безчеловѣчнымѣ Парфіанамѣ сшылѣ Крассовѣ и Римскаго народа. Уже (*) Орелѣ, кошораго быстрое лешаніе еще я удерживаю, спремитшя прелешѣшѣ моря Босфорскія, и неустрашамые мои воины ожидаюшѣ шокмо сей минушы, въ кошорую увидяшѣ меня облечена въ царскую порфиру. Можешѣ бышѣ Цесарь имѣешѣ причину завоевашѣ шу землю,

кошо-

(*) Орелѣ, каковыя сбыкновенно были у Римлянѣ на знаменахѣ въ каждомѣ полку;

копоруку покорила Александръ. Можешь бышь Галлы, Помпей и Римляне, низложенные его оружіемъ несравненно превосходящъ Персовъ. Я о семъ единомъ мыслю: и швой другъ ласкаешъ себя швмъ, что побѣдишель Рейна, можешъ бышь побѣдишелемъ и Евфраша. Но хощя сія надежда меня и оболъщаешъ, однако разумъ мой ею не помраченъ. Не можешъ ли мое щасіе пресшашъ слѣдоващъ по моимъ шпопамъ? И самая верховная премудрость не бываешъ ли часто имъ обма нуша? Измѣня оное Помпею, не можешъ ли оставишь и Цесаря? Увы! какъ въ браняхъ, шакъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, отъ великосши до паденія часто бываешъ единый шокмо шагъ. Я служилъ, повелѣвалъ и побѣждалъ сорокъ лѣтъ: всея вселенныя участъ видѣлъ я въ моихъ рукахъ; но зналъ припомъ, что судьба государствъ зависишь всегда отъ единого шокмо часа. Но пусть что ни будетъ: мое сердце неуспрашимо. Я побѣждалъ безъ гордосши, безъ роншанія и умру. А отъѣзжая шребую отъ швоей ко мнѣ дружбы, ошашься навсегда привязаннымъ къ моимъ дѣшямъ; что бы Римъ съ прилежащими къ нему областями, защищенный и завосанный моими

руками, пребылъ какъ моимъ сыновьямъ пакъ и тебѣ послушнымъ; и наконецъ что бы заслуженное мною здѣсь великое имя Государя, моя кровь и мой другъ послѣ меня на себя воспріяли. Я хочу объявишь тебѣ въ послѣдній разъ мое желаніе. Антоній! ты долженъ бышь опцемъ моимъ дѣшамъ. Я не попребую ошѣ тебя въ шомъ кляшвы, кошорая принадлежишь только подлымъ душамъ; но доволенъ буду однимъ швоимъ обѣщаніемъ; и оное почну священнѣе жершвенниковъ, окруженныхъ богами мспителами кляшвопреступленія.

Антоній. Сколь ни шягосшенъ для меня сей усшавъ, что ты идешь одинъ на брань и ищешь смерти безъ меня и что швоя корышь привязываетъ меня къ Ишалии въ то время, когда слава зовешъ тебя въ Азію; но еще болѣе сокрушаюсь, зря швое великое сердце, въ своемъ успѣхѣ сомнѣвающееся и предсказывающее тебѣ нещасіе. Я не понимаю милосши швой, кошорая меня оскорбляетъ. Что Цесарь говоришь ты мнѣ о сыновьяхъ и о раздѣлѣ? У тебя нѣтъ дѣшей, кромѣ одинаго Октавія: и никакое другое присвоеніе подпорою дому швоему бышь не можешъ.

Цесарь. Уже я горести той, другъ мой, ошъ тебя скривашъ больше не желаю, кошорою шайно раздираешся родишельское мое сердце. Окшавій мнѣ сынѣ единственню по произволению законовѣ. И его себѣ усыновилѣ и нарекѣ Цесаремѣ. Судьба (я не знаю какѣ лучше себя назвашъ, жалоспавою, или жестокою) въ самомѣ дѣлѣ даровала мнѣ законнаго сына, сына, кошорого я люблю, но кошорый, кѣ несчастію моему, за искреннюю мою кѣ нему любовь плащилѣ мнѣ злодѣйствомѣ.

Антоній. Кто сей сынѣ? Кто сей неблагодарной и споль недосшойный той крови, ошъ кошорой произвели его боги?

Цесарь. Слушай. Ты знаешъ того несчастнаго Бруша, кошорого Капонѣ научилѣ свирѣпой добродѣтели. Вошъ сей то строгой защищникѣ древнихъ нашихъ законовѣ, сей то непримиримый врагѣ самовластія, кошорой всегда съ оружіемѣ прошивѣ меня выступалѣ, и кошорой ходилѣ безошлучно по слѣдамѣ моимѣ злодѣевѣ: сей, кошорой былѣ плѣнникомѣ моимѣ на поляхъ Фарсальскихъ, кошорому я двоекрашно спасѣ жизнь прошивѣ его желанія, и кошорой

рожденъ и воспитанъ въ опдаленіи отъ
меня у горделивѣйшихъ моихъ враговъ.

Антоній. Брушъ! можешь ли шо
бышь, чшобъ. . . .

Цесарь. Не вѣрь мнѣ, но вопъ возми
чишай.

Антоній. Боги! сестра Капонова!
гордая Сервилія! . . .

Цесарь. Я шайно съ нею вѣнчался.
Свирѣпый Капонъ въ первыхъ нашихъ
несогласіяхъ почти при моихъ глазахъ
опдалъ ее другому; но во второй день
ея брака кончилась жизнь новаго ея су-
пруга. Сынъ мой подъ именемъ Бруша
воспитанъ былъ. О небо! на шо ли жизнь
его сохранена, чшобъ онъ меня ненави-
дѣлъ? Но чишай горешное сіе письмо:
изъ него шы все узнашь.

Антоній. (*читаетъ*). „Цесарь! я
„умираю: небесный гавъ лишаетъ меня
„вдругъ и жизни и любви. Вспомни,
„чшо Брушъ шобою произведенъ на свѣтѣ.
„Проспи! Да можешь онъ сохранишь
„къ тебѣ шу любовь, которую до своей
„смерши мать его Сервилія, къ тебѣ
„хранила „! Къ чему, о жестокой судьбы
законъ! низпослалъ шы Цесарю шоль
оплачнаго отъ него сына?

Цесарь. Онъ имѣетъ другія добродѣтели. Его превосходная храбрость и въ то самое время, когда онъ меня раздражаетъ, тайно обольщаетъ мой духъ. Онъ меня ополчаетъ прошиву себя, и въ то же время любезенъ мнѣ бываетъ. Съ какою гордостію неуспрашимое его сердце превозносится надъ моими чувствами! Его швердость приводитъ меня въ молчаніе; и я его извиняю, когда онъ проклинаетъ во мнѣ верховную власть. Правда что я и человекъ и купно овецъ, извиняющій его предъ собою; но нѣкая особая сила влечетъ меня къ его любви. Или что я Римляниномъ рожденъ, я слышу гласъ отечества, вопіющій прошивъ моего желанія на мое шيرانство? И что вольность, копорую я угнѣшаю, побуждаетъ меня шѣмъ сильнѣе его любить? Но я вотъ что еще тебѣ скажу. Ежели Брушъ ошъ меня производишь, и ежели онъ сынъ Цесаревъ, то онъ долженъ ненавидѣть Государя. Я самъ въ младыя мои лѣта равно съ нимъ думалъ: я проклиналъ Силлу и ненавидѣлъ шيرانвовъ: Я бы и самъ былъ гражданиномъ, когда бы не горделивой Помпей, желая покорить меня похищенной своей славѣ. . . . Онъ рожденъ гордымъ и высокомернымъ,

но рожденъ къ добродѣтелямъ: и ежели бы я не былъ Цесаремъ, то бы конечно былъ Брушомъ. Каждый съ своимъ состояніемъ долженъ соглашашь свой духъ, Брушъ всеконечно будетъ иначе говорить, когда узнаетъ, ошъ какой онъ крови происходить. Повѣрь мнѣ, что готворящая ему діадима смягчитъ жесткою его разумъ; и что онъ премѣнитъ свое состояніе, премѣнитъ и нравъ свой. Природа, кровь, мои благодаренія, мои совѣты, должностъ, корысть и однимъ словомъ все поможетъ мнѣ смягчить моего сына.

Антоній. Въ семъ я сомнѣваюсь. Я знаю свирѣпую его швердосшь: и ша секша, къ кошорой онъ приверженъ, не имѣетъ въ себѣ ничего шакого, что можешъ смягчашь. Одна шокмо нелюдкостъ и суешностъ, возмущающая разумъ прошиву челошчества и научающая поборашь и попирашь ногами разгнѣванную природу къ Брушу вопіешъ и ошъ него шнемлема бываешъ. Сіи ужасныя закоренѣлости, что должностію онъ называетъ, имѣюшъ полномочіе надъ окаменѣлымъ его сердцемъ. Самъ Кашовъ, сей несчастный Стоикъ, сей диконравный Герой, Ушическая жершва, не хошя проситъ прощенія, кошорое онъ
могъ

могъ бы получишь, предпочелъ смерть искренной твоей дружбѣ; но Кашовъ былъ не столько гордъ, не такъ жестокъ и не столько опасенъ, какъ сей неблагодарный, котораго ты милостию своею желаешь привести къ себѣ въ любовь.

Цесарь. Любезный другъ! какими ты поражаешь меня ударами! что ты мнѣ сказалъ!

Антоній. Я тебя люблю и не могу обманывать.

Цесарь. Время все перемѣняетъ.

Антоній. Сердце мое въ разсужденіи сего опчаянно.

Цесарь. Что! его ненависть.....

Антоній. Вѣрь мнѣ.....

Цесарь. Что мнѣ нужды. Я опецъ: я любилъ и спасалъ смертельныхъ своихъ непріятелей: я хочу, что бы любилъ меня Римъ! любилъ бы и мой сынъ: и желаю, побѣдивъ милосердіемъ моимъ побѣжденные сердца, узрѣшь и области и Бруша обожающими власъ мою. И такъ долженъ ты помогать мнѣ въ столько важныхъ намѣреніяхъ. Ты мнѣ вспомоществовалъ и подавалъ наставленіе въ касающемся до укрощенія смертныхъ; укроти же нынѣ Бруша, обуздай его смѣльство, и приутожь нечувствительно

пельно сію свирѣпую добродѣшель кѣ приняшю сей нужной шайны, кошорую должно ему ошкрышь, и кою обѣявишь ему теперь еще сомнѣваешся мое сердце.

Антоній. Я все для тебя сдѣлаю; но не надѣюсь получишь большаго успѣху.

Я В Л Е Н І Е II.

Цесарь, Антоній, Долабелла.

Долабел. Сенаторы, Цесарь, ожидающѣ аудіенціи: они повинуюсь верховному швоему повелѣнію сюда пришли.

Цесарь. Они весьма медлишельны... Предсѣнавъ ихѣ.

Антон. Вотѣ они. (*указывая на Сенаторовѣ*) На лицахѣ ихѣ изображены неудовольствіе и ненависть.

Я В Л Е Н І Е III.

Цесарь, Антоній, Брутѣ, Кассій, Цимберѣ, Децимѣ, Цинна и Каска.

Цесарь. (*сидя*) Досшойныя подпоры Римскаго Величества! Сошоварищи Цесаревы! подойдите ко мнѣ Кассій, Цимберѣ, Децимѣ, Цинна, и шы любезный Брутѣ.

Брушѣ. Вошѣ по время , вѣ кошорое ,
 ежели небесамѣ угодно будешѣ , я пойду
 кончишѣ завоеваніе вселенной , и видѣшѣ
 на востокѣ прешолѣ Кировѣ , во ошмще-
 ніе Крассова шрупа падшій. Время уже
 присоединишѣ военнымѣ правомѣ Римля-
 намѣ шо , чего не доставало имѣ вѣ
 шрехѣ частяхѣ земли. Все уже приуго-
 шовлено и все расположено для сего вели-
 каго намѣренія. Евфрашѣ ожидашѣ Цеса-
 ря ; и я завшре же шуда иду. Брушѣ и
 Кассій послѣдуютѣ за мною вѣ Азію ;
 для удержанія Галловѣ и Ишалии ошпа-
 нешся Аншоній ; на Ашланшическомѣ мо-
 рѣ и Бешическихѣ брегахѣ будешѣ упра-
 вляшѣ покоренными Царями Цамберѣ ;
 Децимѣ ошпанешся вѣ Греціи , вѣ Ликии ,
 вѣ Марселлии и вѣ Поншѣ ; а вѣ Сирии
 Каска. И шакѣ расположа участи наро-
 довѣ и ошпавя Римѣ вѣ спокойшвѣ и
 безѣ раздоровѣ , ошпашся судишѣ Сена-
 шу , сѣ какимѣ именемѣ долженѣ я упра-
 вляшѣ Римомѣ и народами. Силла наре-
 ченѣ былѣ Дикшашоромѣ , Марій Консу-
 ломѣ , а Помпей Имперашоромѣ ; но я
 побѣдилѣ послѣдняго. И шакѣ вы види-
 ше , чшо непременно должно изобрѣсшѣ
 новое имя. А для новой Имперіи чѣмѣ
 величешвеннѣе имя и чѣмѣ оно священ-
 нѣе

нѣе, шѣмѣ менѣе бываетъ подвержено премѣнѣ. Что прежде страшнымъ казалось Риму, нынѣ по пріятно для вселенной. Уже слухъ носился весьма увѣрительный, что всеу Римѣ осмѣливается объявлять брань Персамъ, и что одинъ Царь можеть его побѣдить и законъ ему дать. Цесарь по предпринимаетъ, и Цесарь еще не Государь! Онъ шокмо гражданинъ, заслугами своими славный. Можеть ли кшо понять своеиравіе народа. . . Римляне! вы меня знаете: вы знаете и мою надежду; помыслишежъ о моихъ благодѣянiяхъ и о моей власши.

Цимберъ. Цесарь! я долженъ сказать, что сей скиптръ, сіи вѣнцы, сіи плоды нашихъ трудовъ и вселенная, копорую шы намъ даешь, пребудушъ въ глазамъ народа и ревностнаго Сенаша больше вредомъ для общесшва, нежели швоимъ благодѣваніемъ. Ни Марій, ни Силла, ни Кашонъ, ниже Помпей, посредъ власши, похищенной ими у народа никогда не помышляли разполагашъ по своей волѣ Римскимъ народомъ, и повелѣвашъ нами шакъ, какъ свойшвенно Царямъ. Ошъ швоего отеческаго милосердія, Цесарь, мы ожидали драгоцѣннѣйшаго дара, благопріятно-

пріашнаго снисхожденія къ областямъ , швоею милосшію даннымъ намъ.

Цесарь. Чего же ты, Цимберъ, осмѣливаешься пребывать ?

Цимберъ. Вольности.

Кассій. Ты намъ ее обѣщаль : ты клялся самъ уничтожишь навсегда верховную власть. Мы чаяли, что уже достигли до сей блаженной минушы, въ копорую побѣдидель міра совершилъ свои обѣшы. Римъ въ шо время, когда онъ плавалъ въ крови и былъ въ неволѣ и разоренный, сею шокмо надеждою подкрѣплялъ свою бодрость. И прежде нежели ты насъ поработилъ, мы всѣ были уже его племена. Цесарь! я помышляю о швоей власши; помни же и ты свои кляшвы.

Брутъ. Да пребудешъ Цесарь великимъ, ошавя вольность Риму. Боги! Обладатель Инда, но рабъ на брегахъ Тибра. Чшо пользы повелѣвать, бышь Царемъ вселенной, и въ самое шо время носишь на себѣ оковы? Чшо пользы нашему опечесшву и Римлянамъ, шобою угнѣшаемымъ, что Цесарь будешъ имѣшь новыхъ рабовъ? И не уже ли Персы главнѣйшіе наши враги? Я иныхъ мыслей не имѣю.

Цесарь.

Цесарь. И ты, Брутъ, говоришь что же?

Антоній. (*Цесарю.*) Ты видишь дерзость ихъ; помысли же достойны ли сіи неблагодарныя сердца швоей милосши.

Цесарь. И шакъ вы щете дерзостію своею нарушишь мое шертвнїе и унищожить мои милосши? Вы, копорыхъ я покорилъ моимъ мечемъ, ползавшіе предъ Маріемъ льстецы и рабы Помпеевы! вы ощущаете въ себѣ жизнь единственно пошому, что еще гнѣвъ мой на васъ не успремился. Неблагодарныя республиканцы! вы вооружаетесь нынѣ противъ меня моимъ милосердіемъ, а когдабы были предъ Силлою, то бы спраху шрепешали: вы зная, что гнусно Цесарю опмщевашь, меня уже не боитесь? и за милосши мои меня раздражаете? Такъ опъ сего то вы воспрїали дерзость говоришь мнѣ шакъ о Римѣ и опечесствѣ, и изѣвляшь сію нескромную гордыню и сіи високоумныя разсужденїя предъ своимъ побѣдшелемъ! Но сему бы должно бышь въ долинахъ Фарсальскихъ; а нынѣ жребій щасшїя меня весьма опличилъ опъ васъ. И шакъ когда вы не знали побѣждашь, шакъ знайше бышь покорными.

Брутъ.

Брутъ. Никшо изъ насъ, Цесарь, другаго не желаешъ, кромъ смерти. Каждой можешъ здѣсь сказать, что ни одинъ изъ насъ не унижилъ храбрости своей въ Эссалии испрашиваніемъ жизни. Правда, ты намъ оставилъ жизнь, но оставилъ ее для того, что бы презирашъ насъ и мы ее проклинаемъ въ такое время, когда должно намъ тебѣ повиноваться. А что бы никшо изъ насъ не избѣжалъ ярости швоей, то начини губить съ меня. Когда ты царствовать желаешъ, рази.

Цесарь. (Сенаторы выходятъ, а съ нимъ остается одинъ Брутъ.) Слушай... (къ Бруту) а вы подише. Брушъ дерзашъ меня укоряшъ! Но знаешъ ли онъ какими разишъ меня ударами? Внимай. Цесарь весьма опдаленъ отъ того, что бы лишить тебя жизни. Оставимъ сію необузданную Сенаша ярость: ты одинъ меня обезоруживашъ. Останься: ты одинъ, кошораго любишъ желаешъ Цесарь.

Брутъ. Я бы жизнь свою принесъ тебѣ на жертву, ежели бы ты исполнилъ свое обѣщаніе; но когда ты хочешъ быть тираномъ, то я искренностію швоею гнушаюсь, и не останусь здѣсь съ Антоніемъ и съ шобою: ибо и онъ Римляниномъ называшъся не долженъ, когда желаешъ имѣшъ Царя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Цесарь, Антоній.

Антоній. И шакъ обмануль ли я тебя? Или ты чаешь, что природа возможенъ смягчить шоль горделивый и шоль жестокосердый духъ? Оспавь, оспавь навсегда въ невѣденіи сію несчастную шайну, кошорую извлекають милоспи швои. Оспавь его, когда онъ желаетъ оплакивашь паденіе Рима; но оспавь шакъ, что бы онъ не зналъ, кого онъ ненавидишъ. Онъ недоспоинъ признанъ бышъ швоимъ сыномъ: онъ неблагодаренъ и за швою любовь. Забудь, что онъ швой сынъ.

Цесарь. Я сего не могу сдѣлашь: я его люблю.

Антоній. А! шакъ прешанъ же размышляшь о великолѣнни діадимы, и сойди съ шой вышины, на кошорую я нынѣ зрю шбя вознесенна. Милосшь весьма не сходствуетъ съ швоею власпію: она разрушаетъ зданіе начинающагося швоего величества. Но что же? Римъ повинуетъ швоимъ законамъ, а Кассій осмѣливаетъ шбя раздражать! Цимберъ и Цинна, сіи незнашные Сенаторы, предъ Царемъ вселенной являютъ сіе высокошрсно!

они

они дерзають прошивоборствовать своей власти! и побѣжденные дерзають говорить!

Цесарь. Они родились равными мнѣ; но я ихъ покорилъ моимъ оружіемъ: и какъ я весьма ихъ превосхожу, то и могу ихъ прощать яко шрепещущихъ отъ ига, которое возложишь на нихъ помышляю.

Антоній. Марій не щадилъ бы сколько ихъ кровь, и Силла не оставилъ бы ихъ безъ наказанія.

Цесарь. Силла былъ мучитель и кромѣ мучительства ничего не зналъ. Въ кровопролищіяхъ и ярости состоялъ только разумъ и величество его. Онъ посредствомъ казней управлялъ Римомъ, и былъ оному ужасомъ: а я ему блаженствомъ буду. Я знаю, что сей народъ можно всеневно обращать по своей волѣ. Ему не трудно вдругъ и ненависть и любовь свою изъяслять. И если его величество мое огорчишь, то я его привлеку къ себѣ своею милостію. Пришворное прощенье тому, кто нося мои оковы вредишь мнѣ не можешь, показав видъ свободы, обратишь ко мнѣ колеблющіяся

его мысли. Должно изпещряшь цѣвѣшами шу пропасть, вѣ кошорую я его влеку, и обольщашь сего шигра вѣ шу минушу, вѣ кошорую я на него цѣпи налагаю. Я долженѣ нравиться ему, когда его опягощаю и порабощаю. Я хочу прельщашь и карашь сопрошивниковѣ моихѣ для шого, чшобѣ они меня любили.

Антоній. Кшѣ царшвовашь желяешѣ, шощѣ долженѣ поступашь шакѣ, чшо бы его боялись.

Цесарь. Прешанѣ. Я хочу чшо бы меня вѣ единыхѣ шокмо браняхѣ боялись.

Антоній. Народѣ швое снисхожденіе преобращитѣ шобѣ во вредѣ.

Цесарь. Народѣ до нынѣ швяшо почиталѣ мои благодаренія. Воззри на сей храмѣ, чшо Римѣ посвяшилѣ моему милосердію.

Антоній. Но берегись, чшо бы не посвященѣ былѣ другой для опшщенія. Штрашись сихѣ ожесточенныхѣ сердецѣ, шерзающихся опчаянїемѣ и обожающихѣ Римѣ. Мяшежный Кассій уже предвидишѣ, чшо вѣ сей день рука моя возложишѣ на шебя діадиму, и уже при глазахѣ швоихѣ осмѣливаетшя обѣ ономѣ ропшашь. И чшо

что бы ты сихъ бѣдъ свѣй избавленъ былъ,
 то должно непременно укротишь шѣхъ,
 кои тебѣ опасны. Позволь себя къ тому
 склонить, что бы предупредишь ихъ удары.

Цесарь. Ежели бы я ихъ боялся,
 то бы я могъ ихъ наказать. Не совѣшуй
 мнѣ то, что можешь привести меня въ
 ненависть. Сраженія и побѣды мнѣ из-
 вѣстны; но мучишь и наказываешь я еще
 не знаю. Пойдемъ: не будемъ слушать
 ни подозрѣнія ни мщенія. Пойдемъ и безъ
 насилія воцарствуемъ надъ вселенною,
 кошою мы покорили.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Брутъ , Антоній , Долабелла.

Антоній. Сей гордый отказъ и сіе недоброжелательство не суть добродѣтели , но испянное звѣрство. Милости Цесаревы , а наиначе его достоинства , требовали отъ тебя самаго величайшаго уваженія и почтенія ; а ты и на то не согласился , что бы вняшь его. Не знаешь еще ты , кого дерзаешь ненавидишь ; узнаяжъ то , конечно возшрепещешь.

Брутъ. Увы ! я уже шрепещу ! но шрепещу тебя внимая. Злодѣи Римлянъ , которыхъ ты предалъ ! или ты чаешь обмануть и развратишь Брута ? Поди и шрепещи той руки , которая тебя порабошила ; намѣренія швои мнѣ извѣстны : ты желаешь бышь рабомъ : и будучи Римлявиномъ , желаешь имѣть Царя.

Антоній. Брутъ ! я другъ : я имѣю сердце челоуѣколюбивое , и не ищу сей странной добродѣтели ; ты хочешь бышь Героемъ : но что же ? Ты не иное что какъ мучишель : и швоя дикая гордыня ,

конечъ

которую ничто смягчить не можешь, защищая добродѣтель, въ шожь время приводишь ее въ ненависть.

ЯВЛЕНІЕ II.

Брутъ (одинъ.)

Какая подлость! О небо! какой стыдъ! Вошъ подпоры горестнаго моего опеченсва! Вошъ наслѣдники Горація и Декія! И ты мститель законовъ, ты кровь моя, ты Брутъ! Праведные Боги! вошъ до какой степени низпало величество Римское! Каждой лобызаетъ съ шрепешомъ руку, налагающую на него оковы. Цесарь лишаетъ насъ и самой добродѣтели; и я ишу здѣсь Рима, но уже больше его не вижу. О вы божественныя души! Герои, что видѣлъ я погибшихъ, коихъ я теперь оулакиваю и коихъ вижу здѣсь изображенія! родъ великаго Помпея! и ты божественный Кашомъ, и ты послѣдній изъ Героевъ племени Сципионова: вы возжигаете во мнѣ сію искру добродѣтели, которая сіяла въ вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ. Вы обиагаете въ Брутъ. Вы вливаете въ мою душу всю ту честь, которую сей пиранъ отъемлетъ у каждаго Римлянина. Но что вижу я, великій

Помпей! въ ногахъ своего монумента? Какія спроки на мое имя предшавляющя моему зрѣнью? Прочтемъ опыя. „Брушъ! ты спишь, а Римъ въ оковахъ „! Нѣшъ, Римъ! мои глаза на тебя всегда ошверсны; не укоряй меня за сіи оковы: я и самъ ихъ проклинаю. Но что шамъ еще я вижу? „Нѣшъ, ты больше уже не Брушъ „. О жестокой выговоръ! Треспублици, Цесарь, шреспублици шираниъ! вошъ швой смершельный ударъ! Нѣшъ, ты больше не Брушъ! Я еще конечно онъ, и имъ навсегда хочу пребышь. Или я погибну, или Римъ избавишя отъ сего шираниа. Я вижу что Римъ имѣетъ еще добродѣшельныя сердца, шребующя мшшителя, котораго во мнѣ находятъ; они поощраютъ; сію душу, сію медлющую руку, и шребуютъ крови. Римъ! ты будешь успокоенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Брутъ, Кассій, Цицна, Каска, Децимъ.

Кассій. Уже въ послѣдній разъ, Брушъ, тебя я объемлю. Любезные друзья! вамъ должно покоршвовашъ ширанской велъ. Отъ раздраженнаго Цесаря не лвъя намъ ождашъ милосши; онъ знаетъ наши мысли: ошкрылася уже ему и дерзость наша.

наша. Чрезвычайная наша швердосшь приводитъ его во удивленіе: но и онъ испребляешъ въ насъ послѣднихъ Римлянъ. Сверхшшлося уже все, друзья мои! Нѣтъ больше опечества, нѣтъ больше чесши и законовъ, и Римъ совсемъ изчезъ. Тираннъ уже шоржествуетъ надъ вселенною и надъ нимъ; и наши неразумные предки побѣждали шолько для него. Взлшыми сокровищами у Царей, симъ скипшромъ мира, наградою пренесенныхъ въ шесть сотъ лѣтъ безпокойствъ и браней, всѣмъ онымъ пользуется нынѣ Цесарь, и попираешъ ногами плоды едва нецѣлые шесть вѣковъ возраставшей славы. Ахъ Брушъ! рожденъ ли ты кому служишь? Изчезла вольность!

Брутъ. Она скоро будетъ возвращена.

Кассій. Чшо ты говоришь! Но чшо за шумъ поражаетъ мой слухъ?

Брутъ. Оспавъ сей гнусной народъ и сей недосшойный вниманія швоего вопль.

Кассій. Вольность, ты говоришь? Но чшожъ крикъ умножается!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Брутъ, Кассій, Цимберъ, Децимъ.

Кассій. А! Цимберъ! шы ли эшо? Скажи намъ что за крикъ?

Децимъ. Или ещѣ еще какой новой умыселъ прошиву Рима? Чшо сдѣлалось? Чшо видѣлъ шы?

Цимберъ. Кѣ съяду обществу Цесарь былъ въ храмѣ. Сей гордый идолъ казался бышь богомъ, гремящимъ надъ Капиполіею. Онъ шамъ объявилъ высокомерное свое намѣреніе ишти и присоединишь Персію кѣ Римской Имперіи. Его шамъ провозглашали Марсомъ мстишелемъ Римлянъ и побѣдишелемъ вселенной; но не взирая на всѣ сіи восклицанія, его чешполюбіе алкало получишь другое имя, и онъ не былъ ими доволенъ. Наконецъ въ самый большой шумъ, производимый разными похвалами окружающаго его народа. Аншоній проходишь сквозь поалу и входишь. О съядъ! О мерзостной и недосшойной поступокъ Римлянина! и входишь въ храмъ, имбя въ рукахъ скипешръ и вѣнецъ. Ужасъ и удивленіе обшмелешъ всѣхъ. Онъ шолько одинъ безъ смущенія возлагаетъ на Цесаря корону; пошомъ преклоня предъ нимъ свое колѣно

гово-

говоришѣ: да царствуетъ Цесарь надъ всей вселенной и надъ нами. Ошѣ сихъ словъ поблѣднѣли лица у Римлянъ, и горестной ихъ вопль услышанъ былъ со всѣхъ споронъ. Я видѣлъ гражданъ, иныхъ ужаснувшихся и бѣгущихъ, а другихъ горестною и спыдомъ обѣяшыхъ. Но Цесарь, примѣшя на глазахъ ихъ весьма явные негодованія признаки, пощасъ прибѣгнулъ къ хитросшямъ, заранѣе для сего случая вымышленнымъ. Немедлѣнно кидаетъ скипетръ и корону, и все оное топчетъ своими ногами. Тогда каждый мня себя бытъ свободнымъ, возобновилъ свою радбсть и восклицанія. Единъ Антоній былъ не веселъ; а Цесарь пришворщвовалъ и краснѣлъ; и чѣмъ болѣе онъ скрывалъ свое смущеніе, тѣмъ болѣе прославляемъ былъ народомъ. Его умѣренность служила ему покровомъ его злодѣйства. Но прошивъ воли своей онъ внушрешно тѣмъ шерзался, что перевозносили въ немъ такія добродѣтели, которыхъ онъ не имѣетъ. На послѣдокъ не возмогши болѣе обладать яростію своею, вышелъ онъ изъ Капишоліи, и съ грознымъ видомъ Сенашу повелѣлъ чрезъ часъ собратъся. Чрезъ часъ, любезный Брушъ, правденіе перемѣнится. Предатели, со-

ставдд-

спавляющіе одну половину сего священнаго Сенаша, сбольшили Римъ, и Цесарю его предающъ. А таковыхъ я почишаю боязливѣе и самаго народа, кошорыхъ одно имя Цесаря приводитъ въ шрепешъ. Хошя уже Цесарь и обладаетъ нами, однако хошешъ еще возложишь на себя корону. Народъ въ шомъ ему упорствуетъ, а Сенашъ похлѣбствуетъ. Чшо же наконецъ о Герои! выемлющіе мнѣ намъ ошпаешся дѣлать?

Кассій. Умерешъ и прекрашшь дни, преисполненные шыдомъ. Я влачилъ бремя недосшойной моей жизни, поелику хошя малая надежда ушѣшала мое ошечество; но шеперь вошъ послѣдній ея день: ибо Кассій не долженъ больше жишь, Когда будешъ испоргнуша она, шогда пусть оплакиваетъ Римъ и пребываетъ ему вѣрнымъ шомъ, кшо хошешъ; а я не могу за него мшшишь: я и самъ съ нимъ погибаю. Я иду шуда, гдѣ наши боги, гдѣ Помпей и Сципionъ. (*взкрая на ихъ статуи*) Уже приспѣло время вамъ послѣдовать и подражать Кашону.

Брутъ. Нѣшъ! не будемъ слѣдовать никому, а будемъ сами служишь примѣромъ. О храбрые друзья! вишь эшо мы, о коихъ вселенная размышляетъ, и ко-

имъ должно соотвѣтствовашь пому почтенію, которое Римъ, истощавая себя, сохраняешь къ нашему имени. Ежели бы Кашонъ мнѣ говорилъ, и былъ по разсудительнѣе въ своемъ гнѣвѣ, то бы онъ ославляя жизнь, не ославилъ въ жизни Цесаря; но онъ возложилъ на себя невинныя свои руки, и шѣмъ бесполезною сдѣлалъ смерть свою для народа, Онъ все сдѣлалъ для славы, но ничего для Рима. Вошъ одинъ недоспашокъ, въ которой впалъ сей великій мужъ.

Кассій. Чшо же ты хочешь дѣлать въ шакомъ состояніи?

Брутъ, (показывая письмо).

Вошъ чшо ко мнѣ пишушь. Вошъ должностъ наша!

Кассій. И ко мнѣ по же пишушь. И я подобной сему выговоръ получилъ.

Брутъ. Сего уже и много заслужишь.

Цимберъ. Несчастный часъ приходитъ. Чрезъ часъ ширанъ истребишь имя Римлянъ.

Брутъ. Чрезъ засъ Цесарь будетъ умерщвленъ.

Кассій. А! я познаю изъ сего поспупка благородный духъ.

Децимъ. Врагъ шираннамъ и достойный славы своего роду! ты имѣешь точно шакія мысли, какія и я имѣю.

Кассій.

Кассій. Ты меня опъ уныніа избяляешь: и я долженъ шебъ за сіе моею честію. Сего шо ожидали моя ненависть и мое сердце опъ истинной добродѣтели, управляющей швоимъ поведеніемъ. Конечно самъ Римъ вліялъ въ тебя сіе знаменіе ламѣреніе. Единаго швоего имени довольно для испребленія ширановъ. Любезный Брушъ! омсемъ безчестіе вселенной; ошмшимъ за Капишолію, когда небесамъ шо угодно. Но вы Цимберъ и Цинна! вы дерзновенные Римляне! не ужьли вы другія имѣете желанія, и иначе мыслише?

Цимберъ. Мы мыслимъ шакъ, какъ и ты, и презираемъ жизнь. Мы проклинаемъ Цесаря, любимъ опечество, и желаемъ за него ошмшншшь. Брушъ и Кассій въ каждомъ кшо бы каковъ ни былъ могушъ возжечь добродѣтель.

Децимъ. Рожденнымъ къ шому, чшобъ бышъ судіями гражданъ и мшщншелями прешупленій, не шолько посшдно сносншь долго сію угнѣшающую руку, но удерживать себя и на одинъ мнѣ опъ пораженія сего шаранна неприлично.

Цимберъ. Содѣлаемъ ли мы еще кого нибудъ учасшникомъ сей великой славы?

Брутъ. Для ошмщенія за ошечество довольно и насъ. Долебелла, Лепидъ, Емилаъ и Публий, или боятсѣ Цесаря, или предались ему. Цицеронъ, обуздывающій дерзоспъ измѣнника, подкрѣпляетъ вольноспъ единымъ шокмо краснорѣчiemъ. Онъ смѣлъ въ Сенатъ, но робокъ въ бѣдшвiяхъ; и болѣе способеъ удивлять Римъ, нежели за него ошмщатъ. Оставимъ Орашору пльняющему свое ошечество попеченiе о его прославленiи, а мы вмѣсто шого ему послужимъ. Нѣтъ! я съ вами шолько хошу раздѣлитъ сiю бессмершную чеспъ, я сей великой спрахъ. Чрезъ часъ шираниъ придетъ въ Сенатъ: шамъ шо я его накажу, шамъ шо я его поймаю, и шамъ шо сiе желѣзо, вонзаясь въ его грудь, ошмщитъ ему за Каттона, за Помпея, и за весь Римской народъ. Сiе весьма ошважно: ибо его усерднѣише спражи обѣемлюшъ всѣ мѣста Капишолiи; и сей легкомысленный народъ, удобно склоняющійся на умоленiе, не знаешъ еще шого, любишь ли онъ его долженъ, или ненавидишь. Любезные друзья! наша смершъ кажется неизбѣжною; но коликожъ она благородна и желашельна! Чшо прiяшнѣ сего, какъ погибнушь въ шоль великихъ намѣренiяхъ,

реніяхъ, и зрѣшь свою кровь, шекущую съ кровію шіранскою! Со утѣшеніемъ тогда проходишь послѣдняя минуша! умерѣ, храбрые друзья! для того, что бы Цесарь умерѣ, и что бы злодѣйствами его угнѣшаемая вольность, чрезъ прахъ его возебновилась и пребыла навсегда.

Кассій. Не будемъ больше медлить; пойдемъ въ Капишолію. Въ семъ мѣстѣ онѣ насъ угнѣшаетъ; въ немъ должно его и сразить. Не устрашимся сего народа; ибо онѣ кажешся шеперь нерѣшимымъ; но когда сей идолъ опроверженъ будетъ, тогда и народъ станетъ его проклинатъ.

Брутъ. Клянишеса со мною; клянишеса симъ мечемъ, кровію Капоновою и Помпеевою, и всѣми священными шрупами шѣхъ истинныхъ Римлянъ, кои на Африканскихъ поляхъ скончали дни свои; клянишеса всѣми Богами мстящими за опечесство, что Цесарь скончаетъ жизнь свою отъ вашихъ ударовъ.

Кассій. Любезные друзья; дадимъ кляшву испоргнушь жизнь и у шѣхъ, кои пожелають наследоватъ ему въ правленіи: хошя бы шо были наши дѣшн, братья, или ошцы. Когда кто изъ нихъ шіранъ,

ширанъ, но уже онъ нашъ злодѣй. Истинному Республиканцу добродѣшель, боги, законы и мѣсто имъ обитасемое, сушь родитсели и чада.

Брутъ. Конечно. Я готовъ съ вами навсегда соединить кровь свою. Сегожъ часа для защищенія другъ друга и для спасенія отечества мы въ родство вступимъ, и сей союзъ нашъ запечатаемъ кровію тиранновъ. Мы клянемся въ семъ шобою, (*подходя къ статуѣ Помпеевой*) о Герой! коего видъ поощряетъ бодрость нашу ко исполненію сей нужной должности; мы даемъ обѣщъ, о великій Помпей! предъ священнымъ образомъ швоимъ дѣлашь все для Рима, не мысля о себѣ, и бышь согласными въ шомъ обществѣ, кошорое нынѣ въ насъ заключается, и кое готовишь побѣждашь и умирашь неразлучно. Пойдемъ и приугововимся къ шому: уже и шакъ мы долго медлимъ.

ЯВЛЕНІЕ. V.

Цесарь, Брутъ.

Цесарь. Постой: ты долженъ здѣсь всташься. Куда бѣжишь несчастный!

Брутъ. Бѣгу отъ тиранства.

Цесарь. Дикшоры! осшановише его.

В

Брутъ.

Брутъ. Возьми, скончай жизнь мою.

Цесарь. Брутъ! когда бы яроспи моей пошребны были дни швои, я бы единымъ словомъ окончилъ шеченіе швоей жизни. Ты шого и достоинъ; ибо швоя надмѣнная неблагодарность диконравіемъ своимъ шщисся всегда меня раздражашь. Ты сообщникъ шѣхъ Римлянъ, коихъ я весьма подозрѣваю въ вѣроломныхъ ихъ предпріятіяхъ, и кои сей часъ дерзали мнѣ прошиворѣчишь, поносишь мои дѣла, и прошивоборшвовашь гнѣву моему.

Брутъ. Цесарь! они говорили шакъ, какъ надлежало говоришь Римлянамъ; и ежелибъ боги помогли шибѣ вняшь ихъ, шо бы и ты послѣдовалъ ихъ мнѣнію.

Цесарь. Я дерзость швою сношу, и выслушашь шебя соглашаюсь. Я забываю величешво свое; мнѣ препровождашь время съ шобою пріятно. Скажи чѣмъ ты меня упрекаешь?

Брутъ. Опушпошеніемъ вселенной; продиштемъ крови народовъ и грабленіемъ собшвенныхъ швоихъ земель. Ты власшію своею и видомъ добродѣшелей своихъ ушаявашь всю свою неправду; они суть содѣштели швоихъ умысловъ; и сія горешшная милосшь, засшавляющая любишь швои оковы, не что иное какъ сѣшь,

сѣшь, поставленная шобою для уловленія вселенной.

Цесарь. Ахъ! сіе бы должно было говоришь Помпею, коего пришворною добродѣшлію ты былъ обманушь. Сей гордый и опасный для Рима гражданинъ не хошълъ зрѣшь въ Цесарѣ и равнаго себѣ. Или ты чаешь, что ешъли бы я оштался побѣжденнымъ, то бы сія горделивая душа въ покоѣ ошпавила Римскую вольность? Нѣтъ! онъ конечно бы подвергъ себя подъ иго самовластія. Что бы ты шогда сдѣлалъ Брутъ?

Брутъ. Я бы неосшмѣнно принесъ его на жершву.

Цесарь. Такъ сіе шо жесткое швое сердце мнѣ приугошвляешъ? И ты ошъ того себя не ошвращаешь? Брутъ! ты къ моей погибели живешь?

Брутъ. Ежели ты шакъ думаешь, шо предупреди мое мщеніе. Что себя ошъ шого удерживаешъ?

Цесарь. (подаешъ ему письмо Серклина) Природа и мое сердце... Читай, неблагодарный! познай шу кровь, кошорую ты прошиву меня ополчаешь; зри на шого, кошораго ты дерзаешь ненави-дѣшь; и слѣдуй намѣренію своему, ежели смѣешь:

Брутъ. Гдѣ я? Чшо я чиналъ? Или глаза мои меня смущающъ?

Цесарь. И шакъ! Брушъ, мой сынъ!

Брутъ. Онъ мой отецъ! О боги!

Цесарь. Конечно шакъ, неблагогодарный! Какая звѣрская нечувствительность шебя обѣмлетъ? Но чшо я говорю? Я слышу рыданіе швое, мой сынъ...! Тебя ли я имѣю въ объятіяхъ моихъ? Тебя природа смягчаешъ, но чувства швои окаменены!

Брутъ. Жестокая судьба, приводящая въ опчаяніе меня! О клятва! О ошечество! О Римъ любезный навсегда!
Цесарь.... Увы! несчастный! почшо я еще живу?

Цесарь. Говори... почшо же? лютое угрызеніе шерзаетъ швое сердце! Прешанъ отъ меня скривать. Ты еще въ молчаніи погруженъ! Ты спрашишься бышь моимъ сыномъ! Или сіе священное имя шебя безчеститъ? Ты спрашишься меня любишь и раздѣляшь со мною мою честь? И за несчастіе считаешь, чшо ты мною рожденъ? Увы! сей скиптръ вселенной, сія верховная власть, и самъ Цесарь, кошораго ты ненавидишь, всего сего шебъ желали, съ Октавіемъ и съ

шо.

шобою я кошѣль раздѣлишь и шипло
Царское и плоды неисчешныхъ браней.

Брутъ. О боги!

Цесарь. Ты хочешь говорить и едва
можешь удержашься. Искренность, или
ненависть производишь въ тебѣ сію борь-
бу? Какая тайна шолико тебя угнѣ-
шаетъ?

Брутъ. Цесарь!

Цесарь. Чшо, мой сынъ!

Брутъ. Я не могу ему сказашь!

Цесарь. Или ты не осмѣливаешься
назвашь меня своимъ опцемъ?

Брутъ. Ешьли ты оный, шо испол-
ни единую мою прозьбу.

Цесарь. Скажи. Я льщу себя на-
деждою, чшо могу оную исполнишь, и
чшо возвращу тебѣ швое сердце.

Брутъ. Или сей часъ казни меня,
или престань царшвовашь.

Цесарь. А люшѣйшій врагъ! А шигрѣ,
мною лобызаемый! А разврашное и ка-
менѣющее опѣ моей искренности сердце!
Поди: я больше тебя сыномъ своимъ не
признаю. Поди, жестокой гражданинъ!
мое опчаянное сердце желаетъ слѣдовашь
швоему примѣру. Опѣ шого сердца, коему
ты учинилъ шоль ужасную досаду, по-
знаешь и ты, чшо шакое преодолевашь

природу. Поди : Цесарь вошше шебя просишь не спанешъ. Отъ Бруша я научился безчеловѣчю. Я уже шебя больше не знаю. Я уже свободенъ въ моей власти, и не внемлю больше непристойному милосердію. Я съ покоемъ предамся моему гнѣву. Уже огорченное мое сердце не прощаетъ шебя больше. Въ насильстввахъ уподобляюсь Силлѣ; и вы неблагодарные, услышавъ мое мщеніе вострепещете. Поди; поди недосшойный! подиши всѣхъ своихъ друзей. Всѣ они держали меня раздражать; всѣ будущъ и наказаны. Извѣсно будетъ тебѣ, что я смогу, и явно будетъ оное, что я смѣю сдѣлать. Я сдѣлаюсь жестокииъ; а сему причяною ты одинъ будешь.

Брутъ. Увы! не оставимъ его въ сихъ люшыхъ намѣреніяхъ; но спасемъ, ежели возможно, и Римъ и Цесаря.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кассій, Цимберъ, Децимъ, Цинна, Каска, заговорщики.

Кассій. Вотъ уже пощъ часъ приходишь, въ копорой Римъ возстановишь, и обладаешь міра безъ повелишеля. . . . За сіе честь относишь по достоянію къ вамъ, Цимберъ, Каска, Пробусъ и Децимъ! Единный только часъ минешъ, а уже пираяна больше не будешъ. Чшо не возмогли Капонъ, Помпей и вся Азія, шо нынъ мы одни исполнимъ и ошмсимъ за опечешво. Я желаю, чшо бы въ сей день сказала вся вселенная; смершныя! почиаше Римъ: онъ уже не въ оковахъ.

Цимберъ. Ты зришь всѣхъ нашихъ друзей; они гошovy послѣдовашъ тебѣ; гошovy поражаешъ и умираешъ; гошovy жиешъ, ежели шо должно, и служиешъ Сенашу во чшо бы шо ни спало: хошя бы надлежало умершвиешъ Цесаря, или ошъ него смершь получиешъ.

Децимъ. Но для чего же нѣшъ Брута, жеспочайшаго врага нашему ширану? Онъ есть шомъ, кошорый извлекъ наши кляшвы: онъ насъ собралъ; онъ перьвый долженъ и разить Цесаря. Кровь Каптонова медлишъ сюда пришши! Или уже Цесарю открылась наша шайна? И онъ его обезоружилъ...? Но вошъ онъ! О боги! въ какомъ онъ смущеніи!

ЯВЛЕНІЕ II.

Кассій, Брутъ, Цимберъ, Каска и Децимъ.

Кассій. Брутъ! какое нещасшіе тревожишъ духъ твой? Или ширанну все извѣсно? Или Римъ преданъ?

Брутъ. Нѣшъ. Цесарю еще неизвѣсна пріугошоваемая ему смерть: онъ вамъ себя нвѣряешъ.

Децимъ. Чпожъ шакое тебя тревожишъ?

Брутъ. Несчастливая шайна, кошорую услыша и вы вострепещете.

Кассій. Неизбѣжна смерть и для насъ и для ширанна. Мы можемъ всѣ отъ него погибнуть; но намъ ли шрепешать.

Брутъ.

Брутъ. Посшой. Я приведу шебя въ ужасъ сею горесшною шайною. Я долженъ умершвишь его для Рима, для васъ, для нашихъ потомковъ, и для счастья смертныхъ. Я избралъ къ шому время и мѣсто; и сія рука въ шомъ самый часъ исторгнешъ у него жазнь, въ кошорой Римъ возжелаетъ его смерти: честь же перваго пораженія принадлежимъ мнѣ; и все уже къ шому гошово; но пришомъ знайше, что Брушъ его сынъ.

Цимберъ. Ты сынъ его!

Кассій. Цесаревъ!

Децимъ. О Римъ!

Брутъ. Сервилія шайнымъ бракомъ съ Цесаремъ вѣнчалась, и я былъ несчастнымъ плодомъ сего ихъ супружества.

Цимберъ. Брушъ сынъ ширановъ!

Кассій. Нѣшъ! шоль преданное Риму сердце не можешъ бышь имъ рожденно.

Брутъ. Мой стыдъ неизбѣженъ. Вы друзья мои: вы зрише, колико я угнѣшаемъ рокомъ; пребудъше же моими повелителями. Ешъли кшо изъ васъ шолико швердаго духа, и ешъли гдѣ шолико швердой и шолико превосходной предъ народомъ Шоикъ, что бы осмѣлился рѣ-

нишь то, что долженъ дѣлать Брутъ? Я сіе ошдаю на ваше разсужденіе. Но что же вы мнѣ не отвѣщиваете? И ты Кассій! и ты равно съ ними молчишь? Увы! никто меня не подкрѣпляетъ на берегу сей пропасти! никто не ободряетъ! и никто въ злодѣйство не влечетъ! Кассій! ты скоро удивишься!

Кассій. Трепещу того совѣща, которой преподашь тебѣ хошу.

Брутъ. Скажи.

Кассій. Ежели бы ты былъ не больше какъ простой гражданинъ, то бы я тебѣ сказалъ: поди работай и пребудь шираномъ при отцѣ своемъ: разорай то мѣсто, которое ты долженъ укрѣплять, и за которое Римъ въ тебѣ единомъ накажетъ двухъ измѣнниковъ; но я говорю Бруту, сему сильному разуму; сему Герою, вооруженному прошиву ширанства Цесаря, котораго непреодолимое и общему спокойствію посвятившее себя сердце, ошдѣлило уже всю ту кровь, которую онъ отъ Цесаря получилъ. Внемли же теперь. Ты знаешь, какую жестокостію угрожалъ Кашилина своему отечеству?

Брутъ. Конечно знаю.

Кассій.

Кассій. Ежели бы въ шотъ день, въ кошорой сей великой преспуникъ долженшвовалъ поразить вольность смершнымъ ударомъ, и когда уже Сенашъ осудилъ сего измѣнника, назвалъ онъ себя своимъ сыномъ; тогда будучи между симъ злодѣемъ и нами, какое бы ты учинилъ рѣшеніе о своей жизни? Скажи, Брушъ, что бы ты тогда сдѣлалъ?

Брутъ. О чемъ ты меня вопрошаешь? Или ты чаешь, что единый мигъ швердосшь мою нарушишь можешъ, и въ сравненіе одного чловѣка съ отечесшвомъ поставишь принудишь?

Кассій. Сіе единое слово, Брушъ, показуешъ уже тебѣ швою должность. Сіе ешь огражденіе Сенаша и безопасность Рима. Но скажи, чувшвуешъ ли ты сіе смущеніе и сіе шайное роппаніе, кои предразсудокъ обыкновенно приписывашъ природѣ? Или единое слово Цесарево можешъ ишшребишь въ тебѣ любовь къ отечесшву, должность швою и законъ? Открывъ сію шайву ишшинную, или ложную, и признавъ тебя за сына, меньше ли онъ шшалъ чрезъ шо виновенъ, и ты не уже ли болѣе не Брушъ и не гражданинъ Римской? Не по прежнему ли обязанъ ты жамъ свою жизнью, сердцемъ и обѣщаніемъ?

ніемъ? Ты сынъ его! но Римъ не отецъ ли швой? и каждой изъ единомысленниковъ не брашъ ли шебъ? Рожденному въ сихъ освященныхъ спѣнахъ, взрожденному Сципіономъ, воспішанному Помпеемъ, присвоенному Каповомъ и другу Кассіеву можно ли имѣшь другія мысли? Сіи священныя имена не должно ли предпочесть всѣмъ другимъ? Чшо нужды, чшо шيرانъ, гнусной рабъ любви Сервилію прельспилъ, и ты отъ нея родился? Оспавъ сіи заблужденія и бракъ матери швоей. Каповъ шворецъ обычаевъ швоихъ; Каповъ одинъ и отецъ швой. Ты добродѣтелию своею ему обязанъ; вручи же ему и душу свою, прервя сей недосшойный союзъ, нынѣ шебъ предлагаемый; и чшо бы общимъ нашимъ кляшвамъ швердоспъ швоя сошвѣшшвовала: ты другихъ родспвенниковъ не имѣешь, кромѣ мспішелей вселенныя.

Брутъ. А вы храбрыя друзья мои! чшо скажете мнѣ?

Цимберъ. Суди о насъ по немъ, а о немъ суди по насъ. Еспыли бы мы имѣли другія мысли, шобы Римъ не имѣлъ прешупнѣе чадъ. Но почшо шебъ вопрошашъ о семъ другихъ, а не себя самаго? Совѣшуй съ своимъ сердцемъ и съ самимъ собою.

Брутъ.

Брутъ. И такъ теперь открыта вамъ душа моя; зришежъ въ ней и ужасъ, еснѣдающій. Я не скрываю отъ васъ, что сердце мое поколебалось, и что стоические мои глаза проливали уже слезы. По принесеніи шой жестокой кляшвы, кошорую вы слышали, гошовъ я опечесству служишь; но умершвишь отца! оплакиваю, что я сынъ его: спыжусь его благодарній; удивляюсь его добродѣтелямъ, клянупо его злодѣйства. Зря въ немъ своего отца, прешупника, и купно великаго въ свѣшъ человека; чувствую себя влекома Цесаремъ а Римомъ удерживаема. Отъ ужаса и жалосши, шерзающей мой умъ, желаю я себъ смерти, вами ему приутошовляемой. Я вамъ скажу еще больше. Знайте, что я его почишаю, и что не взирая на его прешупленіе, его великой духъ меня прельщаешъ. И есшьли бы кто могъ надъ Римомъ царшвовашъ, шогда бы должно было его пощадишь. Но не шревожтесь: сіе одно имя, сіе одно названіе ширанна, кошорое я проклинаю, совсемъ его изъ мыслей моихъ испребляешъ. Сенатъ, Римъ и вы, вы имѣющіе ко мнѣ свою довѣренность, и благосостояніе всей вселенной, вооружаешъ меня прошиву Государя. Я съ ужасомъ обожаю сію жестокою добродѣтель;

шель; я шрепещу предъ вами; но пребуду вамъ вѣрнымъ. Цесарь намѣренъ со мною говорить... О! ешьли бы я могъ его смягчить и премѣнить! спаси и опечесшво и его! Да низпошлютъ безсмертные боги, чрезъ меня гласящїе органамъ моимъ помощь его склонить! Но ешьли прозьба моя будешъ шщешна, внесите руки ваши на него и поразите его: я опшрашу свои глаза: я не измѣню опечесшву моему для опца моего: доспойною, или нѣшъ, покажется жестокая моя швердосшь; но пускай сіе мое великое дѣйствїе пребудешъ для всей вселенной ужасомъ и удивленїемъ. Не боюсь опшаться у всѣхъ въ памяти; не разбираю ни упреканїя ни славы; но всегда независящимъ, всегда я гражданиномъ пребуду. Довольно для меня моей должности; а прочее все опшавляю. Идите друзья мои! и не мыслише ни о чемъ, какъ шолько свободишься опъ рабшва.

Кассїй. Слово швое намъ ешь залогъ спасенїя опечесшва. Мы во всемъ полагаемся на тебя, подобно какъ бы слышали въ сїихъ мѣспахъ гласъ Кашона, гласъ Рима и самихъ боговъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Брутъ (одинъ.)

Вошъ ша минуша, въ которую я Цесарю говоришь буду, и вошъ ша Капишолія, гдѣ смерть его ожидаетъ. Великіе боги! сохранише меня ошъ ужаса! Безсмертныя! удержише взнесенныя мои руки къ его наказанію! И ежели возможно, да будетъ Римъ любезнымъ великому его сердцу, и да будетъ онъ сполько справедливъ, чшобъ могъ бышь моимъ ошцемъ. Но вошъ онъ! Увы! я чувствъ лишаюсь о! шрупъ Кашионовъ! укрѣпи мое мужество!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Цесарь, Брутъ.

Цесарь. Скажи, чего желаешь ты? Скажи, очувствовалось ли сердце швое, и сынъ ли ты Цесаревъ?

Брутъ. Конечно, ешь ли ты сынъ Рима.

Цесарь. Звѣровидный Республиканецъ! куда стремишься бѣшенство швое? Или ты желалъ меня видѣшь шолько для шого, что бы больше меня раздражишь? Какъ! себя ни самое шо время, когда я изли-
ваю

ваю на тебя всѣ свои ласки, и когда покоренной міръ ожидаетъ тебя для принесенія тебѣ вѣрнѣйшихъ клятвъ, ни Имперія, ни мои милости, и словомъ ничто смягчить не можешь! Скажи, какимъ ты окомъ зришь на скипетръ?

Брутъ. Съ ужасомъ.

Цесарь. Жалю о закоренѣлости твоей, но и извиняю ее. Но можешь ли ты меня ненавидѣть?

Брутъ. Нѣтъ, Цесарь! я тебя люблю; и прежде нежели ты призналъ меня происшедшимъ отъ твоей крови, сердце мое твоими дѣлами уже плѣненно было. Я возсылалъ жалобы богамъ, зря тебя шоль великаго человѣка вдругъ и славою и бичемъ Рима. Для имени Государя Цесаря я проклинаяю; но когда бы Цесарь былъ гражданинъ, то бы я почелъ его себѣ за бога, и охотно бы принесъ ему на жертву и счастье и жизнь свою.

Цесарь. Чшо же ты во мнѣ ненавидишь?

Брутъ. Тиранство. Но внемли слезамъ вѣрнѣйшихъ Римлянъ, Сената и твоего сына. Когда желаешь ты быть первымъ на земли, и пользоваться такимъ правомъ, кошорое священнѣе военнаго,

наго, и бышь больше Государя и больше самого Цесаря. . . .

Цесарь. Чшо шакое?

Брутъ. Ты зришь вселенную, влекущуюся за колесницею швоею; прерви же наши узы, будь Римляниномъ, оставь діадиму.

Цесарь. А! чшо ты миѣ предлагаешь!

Брутъ. То, чшо сдѣлалъ самъ Силла. Онъ плававши не малое время въ крови нашей оставилъ наконецъ вольнымъ Римъ, и все было забышо. Сей спрашный и окруженный жертвами убійца, низходя съ прешола загладилъ всѣ свои злодѣянія; ты же не имѣя подобной его ярости конечно не уступишь ему въ добродѣтели. Цесарь сдѣлаетъ больше: ибо сердце его склонно къ прощенію. А иначе къ чему послужашъ въ послѣдующія времена низпосылаемая шобою милоспи? Но ты Римъ и опечество помиловать долженъ: ибо шогда мы будемъ больше покорными тебѣ, нежели шеперь: шогда ты достойнымъ явишься царшвованія, и я сыномъ швоимъ буду. Но чшо! я всеу сіе говорю!

Цесарь. Римъ шребуетъ начальника; и ты конечно самъ то вѣдаешь. Ты видишь гражданъ нашихъ, усилившихся паче

Царей. Обычаи наши премѣнились, Брушъ, шакъ должно премѣнишь и законы. Уже и самая вольность наша спала не что иное, какъ способъ къ нашему мученію. Римъ, исстребляющій все началъ наконецъ себя раззорять. Сей ужасной Колоссъ, ногами попарающій міръ, хошя и угнѣтшаешъ вселенную, однако и самъ уже станавишся колеблющимся. Онъ клонишся къ паденію, и чшобъ удержашься ошъ онаго, шребуешъ для подкрѣпленія себя моей руки. По смерти Силлы древнія наши добродѣтели, законы, Римъ и опечесшво не что иное спали, какі пустыя имена; а шы говоришь въ сіи превращѣныя и наполненныя междуособными бранями времена шакъ, какъ должно было говоришь во времена Деція и Эмила. Любезный сынъ! Кашонъ себя весьма прельсшилъ; и я предвижу, что горестная швоя истинна будешъ пагубна опечесшву и шобъ. Уступи, ежели можешъ преклонишь омраченной свой разумъ побѣдишело Кашона, побѣдишело Помпея и своему опцу! опцу, кошорой шбя любашъ и сожалѣешъ о швомъ заблужденіи. Брушъ! будь истиннымъ мнѣ сыномъ, возврати мнѣ свое сердце, и не привуждай свой духъ преодолѣвашъ

дѣвать природу! Но ты мнѣ не отвѣщаешь? Ты отвращаешь отъ меня свои глаза?

Брутъ. Я самъ себя не знаю. О небо! порази меня! О боги! Цесарь....

Цесарь. Что! ты въ чувство приходишь? Я вижу тебя смягчающагося? Ахъ! сынъ мой. . . !

Брутъ. Знаешь ли ты, что сіе будешь споишь тебѣ жизни? Извѣстно ли тебѣ то, что Сенатъ ни единого изъ вѣрныхъ Римлянъ шакого не имѣетъ, кошорый бы тайно не стремился прошиву тебя? Для спасенія Рима и для самаго себя сжался, Цесарь! Твой смущенный духъ чрезъ меня къ тебѣ вопіетъ; онъ поощряетъ и побуждаетъ меня къ ногамъ твоимъ упасть, (*становяся на колѣни*). Для имени боговъ, Цесарь, забвенныхъ въ твоемъ сердцѣ, для имени твоихъ добродѣтелей, для Рима и самаго себя, припомъ скажу, для имени сына, кошорый пренебрежетъ и любитъ тебя, и кошорый предпочищаетъ тебя всей вселенной..... но Римъ одинъ тебѣ..... Не ошкази мнѣ;...

Цесарь. Несчастный! оставь меня! Чего ты хочешь?

Брутъ. Повѣрь мнѣ, престань быть нечувствительнымъ.

Цесарь. Скорѣ вселенная премѣнится, нежели я премѣню свои мысли.

Брутъ. И такъ сей по швой опвѣтъ!

Цесарь. Конечно: ибо все уже определено. Римъ долженъ повиноваться, когда Цесарь повелѣваетъ.

Брутъ. (сѣ смущеннымъ видомъ). Прости, Цесарь!

Цесарь. Что! откуда происходитъ швое смущеніе? Побудь еще здѣсь, мой сынъ! ты плачешь? Брутъ можешь плакать! Цесарь ли причиною слезъ швоихъ? Или ты оплакиваешь Римлянъ?

Брутъ. Я плачу о тебѣ, и повсюрю, прости Цесарь;

Цесарь. О Римъ! О Геройская жестокость! почшо я не могу любить шолико моей республики?

ЯВЛЕНІЕ V.

Цесарь, Долабелла, Римляне,

Долабелла. Сенатъ, по швоему повелѣнію, Цесарь, уже пришелъ въ храмъ; престоль уже воздвигнушъ: единато шомо тебя ожидаюшъ. Всѣ шѣ, кошорыѣ жершвовали шѣбѣ своею жизнію, гошовы

возжечь еиміамъ при ногахъ своихъ боговъ. Я множество Римлянъ привелъ къ тебѣ, Цесарь! копорыхъ зыблющейся разумъ Сенатъ немедленно ушвердишь. Но ешьли, Цесарь, вѣришь престарѣлому уже своему воину, ешьли вѣришь спрашнымъ предсказаніямъ, прорекашелямъ и самимъ богамъ, шо ошмѣни сіе великое произшествіе до другаго времени.

Цесарь. Когда дѣло идешъ о царствованіи, шога должно ли избирашь время? Чшо можешъ меня отъ сего удержашъ?

Долабелла. Вся природа мыслишь вѣ семѣ тебя предваришь несчастными предзнаменованіями; и небо, шворящее Царей спрашишья швоей смерши.

Цесарь. Престань, Долабелла! Цесарь не больше другихъ людей; и онѣ не мыслишь, чшобѣ небо шолико участвовало вѣ его жребіи, чшо бы оно возбудило для него безгласную природу, и чшо бы стихіи смяшенными казались для шого шолько, чшобѣ смершный лишней день здѣсь продышалѣ. Боги съ небесной своей высоты изочли уже дни наши; мы безѣ всякаго размышленія должны послѣдовашъ предѣламъ нашимъ, и Цесарю бояшья нѣчего.

Долабелла. Онѣ имѣетъ злодѣевѣ, кои только еще начинающъ чувствоватъ новое иго. Кто же можетъ сіе знать, что они къ опущенію противъ себя не имѣютъ умысла.

Цесарь. Они не осмѣлются.

Долабелла. Твое сердце весьма легковѣрно.

Цесарь. Толикія предосторожности противъ опредѣленнаго дня сдѣлающъ меня только презрѣннымъ, а ни мало не защищаютъ.

Долабелла. Какъ для спасенія Рима, Цесарь, нужна швоя жизнь, такъ по крайней мѣрѣ позволь мнѣ итти въ Сенатъ съ тобою.

Цесарь. Нѣтъ! нужды перемѣнять порядокъ, учрежденной между нами. Другъ мой! не послѣдимъ и часомъ опредѣленнымъ. Кто перемѣняетъ своя намѣренія, тотъ открываетъ свои слабости.

Долабелла. Я по принужденію себя оставляю Цесарь! и что я спашусь, въ томъ признаюся. Сердце мое обѣяше новымъ ужасомъ.

Цесарь. Поди: я лучше соглашусь умереть, нежели бояться смерти, Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Долабелла, Римляне.

Долабелла. А! любезные граждане! какое въ немъ геройство! какая благородная смѣлость! Онъ опѣ васъ и опѣ всей вселенной достоинъ лучшаго почтенія. Народы, удивляющіеся ему! соедините ваши объѣмы съ моими, и ушвердите угошованную ему честь! Живите для шого, чшобѣ ему служишь, и защищая его умирайте за него... О небо! чшо за вопль? Какой стонъ поражаетъ мой слухъ!

Заговорщики. (за театромъ) Умри! окончи свой живошъ, тираннъ! бодрствуй Кассій!

Долабелла. Увы! пойдемъ его спасаать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кассій (съ книжаломъ въ рукѣ) Долабелла, Римляне.

Кассій. Все уже исполнилось: его больше нѣтъ.

Долабелла. Народы! помогите мнѣ. Сразимъ! испоргнемъ жизнь сего измѣнника!

Кассій. Народы! послѣдуйте мнѣ: вы не имѣете больше повелишеля. Торжествуй отечество Героевъ! веселись

побѣдишели вселенной; рука моя прервала узы ваши.

Долабелла. Римляне! вы измѣняете крови сего великаго мужа!

Кассій. Для спасенія Рима я не пощаждѣлъ и друга своего, но пролилъ кровь его за то, что онъ вовлекалъ васъ въ рабство; есшлы же кто изъ васъ столь малой добродѣтели, столь низкаго духа и столь слабой бодрости, чшобъ возмогъ сожалѣть о Цесарѣ и рабствѣ? Кто сей гнусной Римлянинъ, желающій Царя? И ежели есшь хошя одинъ, шотъ пусть мнѣ отвѣнствуетъ и принесетъ на меня жалобы; но я зрю, что вы довольны мною, и знаю, что вы всѣ любите славу.

Римлянинъ. Цесарь былъ ширанинъ; да погибнешъ и памяшь его.

Кассій. Счастливые властители міра! чада Рима! сохраните навсегда сіи благородныя мысли. Я знаю, что предъ васъ предстанешъ немедлѣнно Антоній; и шакъ не забудше, друзья мои! что Цесарь былъ его Государь. Онъ служилъ при немъ со дней юношества своего, какъ въ училищѣ злодѣйства, шакъ и въ знаніи ширанства. Здѣсь явшися онъ, что бы оправдашь своего Государя и его власшь:

и помышляешъ васъ соблазнить. Я не сомнѣваюсь, что онъ здѣсь произнесетъ свой гласъ; но на что есть законъ Римской, и я повинуюся ушавамъ онаго. Народъ впредь будетъ верховный онаго предлагатель и судія Цесаревъ, Антоніевъ и мой. Вы возвращаете себѣ свои права, безчестно пошерянные, коихъ Цесарь васъ лишилъ, а я ихъ возвращаю и желаю утвердить. Я пойду въ Капитолію: Брушъ уже въ Сенатѣ и ждетъ меня. Я къ нему пойду. Я съ Брушомъ въ сихъ разоренныхъ сѣнахъ возвращу правосудіе и изгнанныхъ боговъ; послѣшу угасить внутреннюю ярость, и вольности развалины возсавишь. А вы Римляне! желайте шокмо пребывать щасливыми и не измѣняйте себѣ: сего шолько я отъ васъ желаю; а паче всего спрашишь Антоніева пришворства.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Антоній, Римляне, Долабелла.

Римлянинъ. Антоній идешь!

Другой Римлянинъ. Что онъ осмѣлился намъ сказать?

Римлянинъ. Изъ глазъ его ліются слезы; самъ же онъ мящется и рыдаетъ.

Римлянинъ. Онъ весьма любилъ Цесаря.

Антоній. (*всходитъ на трибунъ*) Конечно, Римляне, я его любилъ, и охотно бы жизнью своею замѣнилъ его судьбу. Увы! всѣ вы равно мыслили со мною: ибо когда сей Герой, жертвуя собою вашимъ успавамъ, снималъ сего дня съ своей головы корону, то кто бы изъ васъ не согласился умереть за него? Увы! я пришелъ сюда не память его прославлять: гласъ вселенной вопіетъ о его дѣлахъ; но для того, чшобъ вы узрѣвъ опчаяніе мое возъмѣли хошя малую жалось, и извинили слезы, за дружесшво проливаемыя.

Римлянинъ. Ихъ должно было проливашь тогда, когда Римъ въ рабство приходилъ. Цесарь былъ Герой, но Цесарь былъ и измѣнникъ.

Другой Римлянинъ. Когда онъ былъ ширавиъ, то не могъ имѣшь и добродѣтели. Мы всѣ Кассія и Бруша прославляемъ.

Антоній. Прошивъ сихъ убійць я ничего не говорю. Ко услуженію опечесшву они сильно спремяшся: Дикшашоръ вашъ ими сраженъ. Они шѣ, на кошорыхъ онъ всѣ благодарія свои изліалъ; но его же кровію и руки ихъ сшали обогренны.

Грени. И что бы привлечь Римлянъ къ сему проклятому удару, то безъ сомнѣнія должно было найши Цесаря виновнымъ; и я тому вѣрю. Но наконецъ Цесарь своею власною налагалъ ли на васъ какое бремя? Для себя ли онъ хранилъ плодъ своихъ побѣдъ? И добычею надъ вселенной не васъ ли онъ награждалъ? Собираемыя дани съ народомъ на вамъ ли были обогащеніемъ? Онъ собственной крови для васъ не щадилъ. Съ шоржествующей колесницы онъ зрѣлъ ваше смущеніе, и что бы оперешъ ваши слезы, онъ съ нея сходилъ, и надъ покоренною вселенной вы мирно шоржествовали. Вы сильны его мужествомъ; благодареніями его щасливы. Прощалъ онъ раздражающихъ его, и награждалъ заслуги. Великіе боги! вамъ то извѣстно: вы шѣ, кошорыхъ онъ истинный былъ образъ. Боги! вы вѣрили ему правленіе свѣда, и вамъ извѣстно колико онъ любилъ прощать прешупленія!

Римляне. Правда, что Цесарь заставлялъ любить свое милосердіе.

Антоній. Увы! ежели бы великая его душа предузнала сіе мщеніе, онъ бы здравствовалъ и исполнялъ ваши желанія. На убійцъ сихъ изліялъ онъ всѣ свои

свои благодаренія. Кассію двоекратно спасъ онѣ живошѣ. Брушѣ... Гдѣ я? О небо! О варварство! О беззаконіе! Любезные друзья! я силѣ моихѣ лишаюсь; всѣ чувства мои во мнѣ каменѣютъ.... Брушѣ.... Брушѣ убійца!.... Сей врагѣ былѣ сынѣ его!

Гимляне. О боги!

Антоній. Я вижу ужасѣ, васѣ объ-емлющій, друзья мои! Я вижу слезы, орошающія лица ваши. Брушѣ конечно сынѣ его; но и вы всѣ предшоящіе здѣсь, и вы дѣтьми присвоены онѣ его сердца. Ахѣ! ешьли бы вы знали послѣднее его желаніе?

Римляне. Скажи; въ чемѣ оно со-сшояло?

Антоній. Римѣ его наслѣдникѣ. Со-кровища его сушь сокровища ваши: вы воспользуешеся ими; и за дверьми гроба Цесарь вамѣ служить желаетѣ. Единыхѣ васѣ онѣ любилѣ; для васѣ онѣ въ Азію шелѣ жершвоватѣ и щаспіемѣ и жизнью своею. О Римляне! онѣ говорилѣ, Царь шотѣ народѣ, кошорому я служу; повели Це-сарю, Цесарь вселенной. Брушѣ и Кассій сдѣлали ли бы для васѣ чтонибудь боль-ше сего?

Римляне. А! мы ихъ уже прокли-
наемъ. Сія мысль насъ раздражаетъ.

Римлянинъ. И въ самомъ дѣлѣ Це-
сарь былъ отецъ отечества.

Антоній. Уже нѣшѣ больше на-
шего отца: чрезъ гнусное убійство сей
великій мужъ дни свои скончалъ. Пре-
сѣклась честь природы; исчезла слава
Рима. Римляне! лишите ли вы созданія
сего вашего отца и друга, кошорой вамъ
полико былъ милъ. Возъ его несущъ
предъ ваши глаза.

(*Театръ представляетъ здѣсь от-
верстіе; Ликторы несущъ трупъ Цесаревъ,
покрытой окровавленною одеждою; Анто-
ній сходитъ съ Трибуна и падаетъ на ко-
лѣни подлѣ трупа.*)

Римляне. О горестное зрѣлище!

Антоній. Возъ что осталось отъ
первѣйшаго изъ Римлянъ. Возъ оный
мстящій богъ, кошорому вы поклоня-
лись, и кошорого самые убійцы съ прене-
шомъ обожали. Возъ всегдашняя ваша
подпора въ мирѣ и въ браняхъ. Возъ
оный, кошорого за часъ до сего времени
вся вселенная шепешала, и кошорый за
долгъ почишалъ узрѣть Вавилонъ, влачи-
мый за колесницею своею. Друзья мои!
въ семъ видѣ признаете ли вы Цесаря?

Рим-

Римляне! вы зрите его раны, вы касаетесь онымъ, и сія кровь пролила предъ вашими глазами. „Вотъ (*указывая раны*), „гдѣ Цимберъ его пронзилъ; вотъ гдѣ „вѣ великаго Цесаря Кассій и Децимъ „вонзили свои кинжалы. Здѣсь Брушъ, „Брушъ, испупленный ошъ безчеловѣч- „вой ярости, обогрилъ свою кровожад- „душую руку вѣ ребрахъ его; а Цесарь, „взирая на него спокойнымъ и смирен- „нымъ окомъ и уже подвергаяся его уда- „рамъ еще его прощалъ, называя сы- „номъ своимъ; и сіе любезное и прі- „яшное имя было послѣднее, что онъ „умирая произнесъ: о сынъ мой! „

Римлянинъ. О врагъ! кошораго боги должны были искоренишь до сего ужаснаго удара.

Римляне. (*разсматривая трупъ Цесаревъ.*) Боги! кровь его еще течетъ.

Антоній. Она пребудетъ мщенія, кошораго ошъ вашихъ рукъ ожидаешь и ошъ вашего къ ней почтенія. Слышите ли гласъ ея? О Римляне! пробудитесь, возпряните и послѣдуйте мнѣ прошивъ сихъ убійць, и сіи-то будущъ должною честію Цесарю. Изготовленнымъ костромъ на сожженіе шѣла Цесарева окружимъ жилища сихъ гордыхъ заговорщиковъ, что

что бы опчаянныя наши руки обагрились въ ихъ крови. Сшупайше достойные друзья! сшупайше мстители злодѣйства богу опечества принесши сіи жершвы.

Римляне. Конечно мы ихъ накажемъ, конечно мы послѣдуемъ шебъ: мы клянемся сею кровію, что опмстимъ смерть Цесареву. Пойдемъ.

Антоній. (*Долабелль*) Упошребимъ ихъ бѣшенство въ свою пользу; воспользуемся симъ непостояннымъ и легкомысленнымъ народомъ; вовлечемъ его во брань; и не взирая ни на что, чрезъ спремленіе свое опмстишь за убіеніе Цесаря учинимся его наслѣдниками.

Конецъ третьяго и послѣдняго дѣйствія.
